

Год и номер газеты: Москва 1954, № 25, 29/1

телевидение

«ДЕЛО ВСЕЙ МОЕЙ ЖИЗНИ...»

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 9 ИЮНЯ, 1 ПРОГРАММА, 19.55;
1 «А» — 19.55; «ОРБИТА» — 15.40

16 мая театральная общественность отмечала тридцатилетие творческой деятельности в Большом театре народной артистки СССР, лауреата Ленинской и Государственных премий, Героя Социалистического Труда Галины Сергеевны УЛНОВОЙ.

Сейчас она занята репетицией и придет сюда, в небольшое фойе, затянутое красным муаром. Какая она сегодня. Уланова, так хорошо знакомая по фотографиям, знаменитая Жизель. Одетта, Джульетта? Она выходит быстро и легко, невысокая, по-прежнемустройная. Узнавание мгновенно, как будто и не прошли годы, отделившие балерину от созданных ею образов. А она появляется: холденоватая нынче весна, после теплого репетиционного зала зябко. Мы говорим о недавнем вечере.

Моя глубоко взволнованная Указ о присуждении мне звания Героя Социалистического Труда. И еще один подарок — этот вечер. Я очень благодарна моим товарищам

и ученикам. Вместо смотра достижений моих учеников, отчета о проделанной мною за 30 лет работе вечер этот вылился в праздник балета. Я была счастлива и глубоко взволнована, что в нашей стране, в нашем искусстве, так высоко ценится труд, и, если ты вложил в дело своей жизни весь талант, все силы без остатка, оно живет и продолжается.

Шестнадцатое мая для меня и моих друзей — день событый. В этот день в 1928 году состоялся выпускной вечер в Ленинградском хореографическом училище, и я стала артисткой балета. И вот почти полвека спустя снова звучала бессмертная музыка Шопена, и «Шопениану» — спектакль, в котором я впервые вышла на сцену и который был моим прощальным спектаклем, танцевали мои ученики. Многое напомнило мне этот вечер.

ИСКАТЬ СВОЙ ПУТЬ

— Я ленинградка. И хотя большую часть своей сознательной жизни прожила в Москве, часто ловлю себя на том, что говорю: «У нас, в Ленинграде...». Да, мои корни там. Там в трудные 20-е годы в холодных классах училища мы постигали азы балетного искусства у знаменитого педагога Агриппины Яковлевны Багановой. Сейчас в это трудно поверить, но тогда многие отрицали балет как искусство мертвое, эстетическое, непонятное и ненужное народу. Но, на наше счастье, нас, молодую артистическую поросль, окружали композиторы, режиссеры, балетмейстеры, самозабвенно преданные искусству, умевшие видеть его далекую перспективу. Они хорошо понимали, что главную ценность — неограниченные выразительные возможности классики — необходимо сохранить для нового, глубокого содержания. И мы, молодые, стали их горячими сторонниками. Мы были молодой плеядой, жаждой до поисков и экспериментов. Впрочем, не боялись нового нас приучили с первых шагов. В те годы группа Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова очень нуждалась в притоке новых сил, и нам сразу стали поручать ответственные партии. Я дебютировала в «Лебедином озере», затем в «Щелкунчике», «Спящая красавица»...

Первыми моими спектаклями дирижировал молодой Евгений Мравинский. Наша творческая дружба продолжается до сих пор.

Но, помимо своих творческих задач, работы над постановками балетов мы стремились постигнуть все богатство искусства, вернее, не постигнуть, а наверстать. Ведь многое учиться нам не пришлось. И вот после репетиций мы бежали в Консерваторию послушать, как репетирует с оркестром Гаук, или на лекции Соллертинского, или на спектакли знаменитой «Александрины». Этот театр сыграл особую роль в моей жизни. В те годы там работали замечательные актеры Юрьев, Корчагина-Александровская и другие. Каждый спектакль был событием. В семье актеров этого театра Тиме-Качаловых, с которыми

я дружила, часто бывали интересные люди. Забывшись куда-нибудь в уголок, я буквально впитывала в себя их споры о спектаклях, о современном искусстве, его путях и задачах. И постепенно начинала задумываться над своими ролями, начала анализировать, искать, пытаться говорить на балетном языке о человеческой жизни. Мне помогали мои друзья, осторожно, деликатно. Их советы не были поучениями, они наталкивали на размышления, я много читала. Вспоминая те годы, я убеждаюсь, что нет более благородной обстановки для молодого актера, чем та, где он может научиться думать, искать свой путь.

В МОСКВЕ...

Этот город и Большой театр вошли в мою жизнь постепенно. Все началось с декады ленинградского искусства в Москве, кажется, в 1938 году. Я танцевала с Сергеевым «Лебединое озеро» в Колонном зале, нас заметили и пригласили выступить в Большом театре. Перед спектаклем мы с Сергеевым должны были прорепетировать все от начала до конца, поскольку постановка несколько отличалась от ленинградской. В репетиционном зале собралась почти вся труппа. Расстояние до строгих взыскательных глаз — несколько метров, тут не скрыть ни ошибки, ни малейшей неточности. Танцевали мы, замирая от волнения, но экзамен выдержали.

В конце войны я была приглашена в этот театр.

Творческая жизнь артиста балета коротка. И я не знаю, как сложилась бы моя биография, останься я в Ленинграде. В те годы я была уже зрелой актрисой, которой не так уж много оставалось до возрастного рубежа. Но переход в новый театр, новый репертуар, новые задачи неожиданно стали для меня своеобразным «вторым дыханием», подарившим мне вторую артистическую молодость. Я танцевала и свои любимые партии — Марию, Одетту, Жизель, Джульетту, но вносила в них весь свой опыт, в который вошли и потрясения, пережитые народом, и вся моя жизнь. В Большом театре пришло ко мне и международное признание.

«ЧТО ТЫ ОБ ЭТОМ ДУМАЕШЬ?»

Уже почти четырнадцать лет я занимаюсь с молодыми артистами балета. Главное в моей работе — помочь им выявить свою индивидуальность.

Я долго не могла решиться, куда приложить свои силы, когда уйду со сцены. Преподавать только технику балета мне не хотелось. Ведь столько накоплено, продумано за эти годы. И тогда Е. Гердт, преподававшая в училище Большого театра, посоветовала мне обратить внимание на выпускницу ее класса Максимову. Я присмотрелась, она показалась мне интересной, и мы начали работать над «Лебединым». Привыкали друг к другу трудно. Как помочь этой девочке понять героиню, найти свое отношение к образу? Показать ей, как это делаю я, и научить ее копировать? Конечно же, нет! И я стала рассказывать свою ученицу, как она понимает ту или иную сцену, что значит то или иное движение.

Конечно, техника — основа нашего искусства, и я внимательно слежу за каждым движением балерины, но техника без мысли для меня неприемлема. Я считаю себя не просто педагогом-репетитором, а скорее педагогом-режиссером. И мне очень радостноывает, когда я иной раз слышу, как мои ученицы, обсуждая с партнерами какую-нибудь сцену, спрашивают: «А что ты об этом думаешь?».

Труднее всего мне было «отдавать» молодым свои партии, особенно Джувельетту. Не потому, что жаль, а потому, что слишком это свое, сросшееся с душой, а как открыть самое сокровенное, влити его в чужую душу? Зато какое удовольствие доставляла мне работа над новыми постановками — «Каменным цветком», «Легендой о любви», «Шелкунчиком».. С первых дней быть рядом с балетмейстером, помогать осуществлять его замыслы — прекрасная творческая задача. И я счастлива, что у меня есть ученики, что они приезжают ко мне из регионов и городов нашей страны, что я остаюсь в рядах гвардии советского балета.

Беседу вели Е. ТРЕНЕВА

Фото Н. Агеева